



Константин Бояндин

ФУГА С ОГНЁМ

СБОРНИК

Константин Юрьевич Бояндин
Фуга с огнём

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11285057
ISBN 978-5-4474-1660-7*

Аннотация

Другая, лучшая реальность всегда где-то рядом с нашей. Можно считать её сном, можно – явью. Там, где Муза может стать литературным агентом, где можно отыскать и по-другому пережить переломный момент жизни. Но главное – вовремя осознать, что подлинная, родная реальность – всегда по эту сторону экрана или книги.

Содержание

Пламя заката	5
1	5
2	12
3	18
4	23
5	26
6	29
7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фуга с огнём
сборник
Константин Бояндин

© Константин Бояндин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пламя заката

1

Павел всегда просыпался ровно за пять минут до будильника. Самым неприятным было заставить себя вылезти из-под одеяла и выключить мерзкое устройство, прежде чем оно завершит. Прежде, чем Маша потребует из соседней комнаты «выключить эту гадость».

На этот раз удалось заставить себя вылезти из-под одеяла за минуту до срока. Павел неловко нажал на кнопку и будильник – старинная, советских ещё времён прямоугольная электронная игрушка, упал. Удар был негромким, но будильник выключился.

И уже не включался. Павел беззвучно выругался – ставить будильник было единственным способом проснуться в нужное время. Рефлекс? И вот теперь...

Он посмотрел на наручные часы. Мама дорогая! Мусорная машина будет через три минуты. Вчера проспал её – если и сегодня не успеть, Маша будет ворчать до вечера. Павел торопливо оделся, прислушиваясь к звукам за окном. Успел. Бесшумно, как привидение, скользнул на кухню, подхватил приготовленный пакет, и уже через минуту спускался по лестнице. Будильник тоже покоился в пакете. Мастер сказал: уроните ещё раз – всё, можете дальше помойки не нести. Уже не починить. «Прощай, друг, – подумал Павел невесело, – буду учиться просыпаться сам».

Странно, но во дворе никого не было. И машина приезжать не торопилась. Ну денёк начинается, одно слово – пятница! В пятницу всегда всё и везде наперекосяк. Вот, началось уже.

– Не будет её, – сообщила, грузно проковыляв мимо, соседка из дальнего подъезда. – К шестому дому несите.

К шестому дому. Павел вновь выругался. Уже не беззвучно. Старушкам, живущим на первых этажах соседнего, шестого, дома не лень караулить свою драгоценную помойку и устраивать жуткий скандал, когда кто-то «чужой» оставляет там мусор. Скандалят долго и громко, а замеченный пакет могут вполне принести обратно и вытряхнуть под дверь. Такое бывало.

Если выкинет эта бабушка-колобок, ей сойдёт с рук. А вот Павлу...

«Дожили», подумал Павел в который раз. «Люди готовы удавить за то, что кто-то чужой оставляет мусор в их мусорном баке».

В этот раз повезло: обе старушки, обыкновенно стоявшие «на часах», были увлечены разговором. Павел осторожно и бесшумно избавился от поклажи и подумал, уже повернувшись лицом к своему дому, так ли хочется сразу назад? Зайти в магазин, что ли, купить там кефира... Виктория последнее время обожает кефир. И любит поддразнивать маму, когда та ворчит, что кефир по утрам пьют только алкоголики. «Вот мы с папой после вчерашнего и пьём...»

Утро уже, а темно как! Тучи ползут над головой, цепляясь косматым брюхом за вышки и деревья, а из прорех падает неприятная, мелкая водяная крупа. Днём это выглядело бы великолепно и даже величественно: огонь под ногами, оранжевая чешуя огромного дракона, золотые скорлупки, горящий ковёр... Как только ни называют листву.

Ветер выскочил из-за поворота и швырнул Павлу в лицо пригоршню водяных капель, присыпал волосы сухими листьями. Павел не сразу прочихался, столько воды попало в горло. И – на какой-то миг – подумал, что заблудился. Кругом темень, он на тропинке, кусты

со всех сторон. Конечно, тут всё понятно, вон там – его дом. «Нет, не пойду сейчас в магазин, – подумал Павел. – Вика попросит – пойду. Она попросит, конечно. А сейчас просто постою.»

Очень не хотелось возвращаться домой. Вскоре начнётся день, а в пятницу самые неприятные, самые тупые заказы. Тупые своей обыденностью.

Павел – столяр от бога. Так сказал когда-то учитель «по труду». Но вот не удалось пока заниматься тем, чем хочется. А приходится ставить двери, да делать столы с табуретками, по пятницам, во всяком случае.

На короткое, неприятное мгновение Павлу захотелось, чтобы всё вокруг исчезло, всё, раз и навсегда. И снова помутилось перед глазами. Домой. Прийти домой, включить лампу, сесть и сделать вид, что работает. Рисовать то, что так и останется только мечтой на бумаге. Вроде бы и лет человеку всего тридцать два, а уже кажется, что вся жизнь прошла.

..Павел шёл, погружённый в мысли, и не сразу обратил внимание на старуху у подъезда. Что она делает в такую рань? Уже сидит на лавочке, а до рассвета ещё ой как далеко. Дремлет? Сидит, согнувшись, опираясь о палочку.

– Здравствуй, здравствуй, – неожиданно пробасила она, подняв голову. – В магазине *твоя*, в магазине. Пять минут, как убежала. Скоро вернётся, хлеба у неё дома нет...

– «Моя»? – Павел повторил ошарашенно. Старуха говорила так, словно давно и хорошо его знает. Но откуда?! И лицо её знакомо – смутно, но знакомо. Что за чушь! Не живёт такая в этом доме, уж за пять лет со всеми повидался-познакомился!

– Твоя, твоя. – Старуха погрозила пальцем. – Афанасьевна всё видит! А колечко, – она перешла на заговорщический шёпот, – мог бы и снять, снять.

Павел машинально перевёл взгляд на правую руку – на обручальное кольцо. И злость накатила... О чём болтает старуха?!

– Спасибо за совет! – саркастически отозвался он, поправил капюшон – зябко. Подошёл к двери. Что за новость? Куда делся домофон, кнопки, почему подъезд открыт всем подряд?!

– Из дома, что ли, выгнали? – осведомилась Афанасьевна вслед. – Заходи, заходи, чего мёрзнуть на улице. В подъезде-то теплее.

В подъезде оказалось и впрямь тепло и – чисто, как ни странно. Запахи, куда без них – застоялый табачный дым, кошки и собаки – пахнет, убирай не убирай. Но чисто! И без домофона!

– Я сплю? – поинтересовался Павел, ещё раз осмотрев своё облачение. Домашние брюки и домашняя же майка, лёгкая осенняя «огородная» куртка – в ней обычно выезжает к теще в огород, когда никак не отвертеться. Кроссовки – единственная не поношенная, не затрапезная деталь одежды.

М-да, сходил выкинуть мусор.

Павел обнаружил, что стоит у двери – своей двери. Своей, да не своей. Номер тот же, и подъезд тот же, и соседская дверь, ближайшая, та же. А вот сама дверь другая. И замок другой.

Можно и не пробовать вставлять ключ. Не подойдёт. И мобильника не взял, умник. Думал, что выйдет минуты на три. Павел осторожно толкнул дверь, физически ощущая, как соседка напротив буравит ему спину взглядом через глазок. Да и пёс с ней, пусть смотрит.

Шаги вниз. Дверь впустила обрывок реплики громогласной Афанасьевны. Интересно, кому она успеет доложить о его, Павла, визите к «своей»?

Павел принялся спускаться по лестнице, сам не очень понимая, куда сейчас пойдёт и зачем. Но...

– Паша?! – Радость, нет – восторг в её голосе. У Павла перехватило дыхание. Не может быть... Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

«Тебя не существует», – чуть не сказал он. Но это длилось недолго – и Павел, который минут двадцать назад вышел, чтобы вынести мусор, тут же сдался и исчез. А другой Павел, едва не спятивший когда-то от грёз, принял командование.

Павел ощутил восторг. Она здесь... значит, всё это не видения, не бред и не выдумки! Она здесь!

– Лена?! – Имя пришло не сразу. Низенькая, худенькая, черноволосая... Стоп, почему черноволосая?

Она бросилась к нему на грудь.

– Пришёл, – прошептала она. – Я знала, знала, что ты придёшь! С утра знала! Подумала, что дома ничего нет...

– Я пришёл. – Он прижал её к себе, а мысли текли в голове и путались, путались. Главная – где его квартира, где Мария и Виктория – угасла, перестала беспокоить, утратила смысл.

– Идём! – Она схватила его за рукав. – Афанасьевна мне уже доложила, – рассмеялась она тихонько. – Ты на неё не ворчи, а то она всем-всем рассказывает потом, когда ты был да почему... Не сердись?

– На кого? – опешил Павел. Елена стояла, уже погрузив ключ в замочную скважину.

– На Афанасьевну. Если сердись, не пушу!

– Да не сержусь я! – Если Павел и покривил душой, то совсем немножко.

Елена приподнялась на цыпочки и поцеловала его. В губы. И прежний Павел, который был в здравом уме и твёрдой памяти минут двадцать назад, окончательно был повержен.

Павел прижал её к себе... Осознавая, что на них сейчас смотрят. Плевать! Это она, она... запах её волос, её голос, вкус губ... Пусть смотрят кто хочет, и пошли все к чёрту!

Она долго не отпускала его. Но всё же отпустила.

– Заходи. – Она открыла дверь и с силой потянула Павла внутрь. – Закрой на щеколду!

Дверь закрылась. И Павел окончательно осознал, что мир изменился, и если это сон, то сейчас, прямо сейчас, нет смысла просыпаться.

– Неси. – Елена вручила ему пакет. Хлеб, мясо, печенье – это он успел заметить. – Давай-давай, неси на кухню!

Удивительно, но он всё правильно разложил. Всё по местам, руки сами открывали нужные дверцы и крышки. Хлеб, приправы, мясо, картошка... Да тут весь пуд будет, как она всё это дотащила?!

– Ты неисправим! – Она открыла холодильник. – Зачем мясо-то в морозилку? Я его сейчас готовить собралась! – достала пакет с мясом, положила на стол. Взяла Павла за руки, улыбаясь, посмотрела в глаза. Мягкие, тёплые руки... Всё, как он помнил. Господи, что происходит?!

– Ты мой? – поинтересовалась она тихонько. – Ты ко мне приехал, да? У меня три дня выходных! Ты останешься?

– Останусь. – Говорить было трудно. Хотелось прижать её к себе... И стоять вот так, стоять и стоять, упиваясь запахом её волос...

Она кивнула, отпустила его – иди за мной, говорила её походка, кивок, улыбка. И он пошёл. Вопросы возвращались в голову, но уже не вводили в панику. Надо подумать. Спокойно всё обдумать.

– Стой. – Она остановила его на пороге спальни, ладошкой в грудь. – В мою комнату ты с этим не войдёшь. – И указала на обручальное кольцо. – Это у тебя что, маскировка, да? Вот глупый! Здесь же и так все знают!

Павел послушно снял кольцо, спрятал в карман. Только бы не потерять, подумал он невпопад.

– Вот так, умница! Хочешь *ей* позвонить, да? Или не нужно?

– К-кому позвонить?

– Машеньке. – Елена улыбнулась, без ехидства или ревности... весело улыбнулась. – Или тебя отпустили? Или неважно?

– Неважно, – ответил Павел немедленно. Его снова обхватили и поцеловали... Снова в губы.

– Я знала. – Она отпустила его. – Знала, что ты когда-нибудь решишься. Ты у меня умница! Ну, заходи!

– Куда?

Она рассмеялась.

– Ко мне, ко мне! Переодеваться будем! У тебя вид, будто с огорода приехал. В следующий раз захвати с собой грабли, вот тогда будет маскировка!

Павел никак не мог переступить порог.

– Ты же хотел видеть, как я переодеваюсь... – Она понизила голос. – Да?

– Да, – ответил он мгновенно пересохшими губами и вошёл.

Он облизнул губы и потёр лоб, несколько раз. Та самая комната. Он видел её много раз. Где? В воображении. Видел каждую деталь её, каждую мелочь. Вот диван, он же кровать – старый, скрипучий, выдавший виды, достался от прежних хозяев квартиры. Правая ножка подломлена, у дальнего левого угла матрас промят так, словно там слон топтался. Шкаф за диваном, платяной шкаф, на дверце его старинное, но целое и не слишком помутневшее зеркало. Но Павел не видел, ни разу не видел, как она раздевается. Видел её обнажённую – о да, видел, конечно, не раз. Но она всегда гасила свет и, торопливо сбросив халат или во что была одета, в углу, быстро пряталась под одеяло. А утром, если замечала, что Павел уже проснулся, просила отвернуться и не смотреть.

А сейчас...

Сейчас она подошла к зеркалу и посмотрела в глаза отражению Павла. Улыбнулась. Медленно расстегнула рубашку – никогда не видел её в майках, всегда рубашка, всегда старенькая, хотя и не ветхая, не дырявая – дыры в одежде в этом доме долго не живут. Их или штопают, или выбрасывают вместе с одеждой. Павел помотал головой, вот ведь лезет что в голову! Она расстегнула рубашку, верхнюю пуговицу, ещё одну, обнажая плечо, потом грудь... голова Павла начала кружиться. Настоящая! Она настоящая, это всё на самом деле! Елена расстегнула все пуговицы на рубашке и рукавах, медленно подняла руки над головой, завела за спину... Рубашка упала к её ногам. Невообразимо, нестерпимо красива... Елена повернула голову, посмотрела Павлу в глаза, не переставая улыбаться. Что ты делаешь со мной... Лена, милая, невероятная и невозможная, что ты делаешь?

Джинсы. Дома она носит только штаны, а на улицу одевает их, только если идёт в гости. А так – юбки, платья. Поди найди сейчас девушку, которая любит носить платье! Лена расстегнула пуговку, чуть повернулась – худая, ещё немного, и можно звать тощей – и джинсы падают к ногам. Шаг, другой... В сторону Павла. Она резко присела, и встала уже совсем нагая. Павел и хотел закрыть глаза, и не мог. Елена подобрала с дивана халат, шагнула к Павлу.

Остановилась в шаге от него. Запах её волос, кожи... Немыслимо, невыносимо...

– Хочешь? – спросила она одними губами. И улыбнулась, рассмеялась, падая ему в объятия, и халат упал, свернулся обиженной кошкой у ног, и никому не было до него дела...

...Он помнил только, что долго не мог отпустить её, боялся, что отнимет руку – и растает Елена, пропадёт, сгинет навсегда, а сам Павел окажется дома, и Мария будет ворчать, и не замечать его присутствия, и...

– Паша? – Оказалось, они оба уже одеты. У Елены нашлась и его одежда. Потрёпанные, но вполне приличные джинсы. И рубашка, тоже вполне приличная. И даже всё остальное нашлось, включая тапочки.

– Паша, – шепнула она на ухо. – Я не убегу! Правда-правда! Пусти, мне уже почти больно! – и поцеловала его в шею.

И снова вскипела кровь.

– Нет. – Смеясь, она оттолкнула его. – Нет, не сейчас! Ты же есть захочешь? Пить захочешь? А кормить тебя нечем! Вставай, поможешь мне.

– С удовольствием! – Он поднял её на руках. Елена снова рассмеялась. Невозможно... То же лицо, треугольное, те же короткие волосы, их запах... одуряющий запах осени. Кожа, и шрамы – на левом бедре и спине, выросла в деревне, а там топоры да вилы ошибок не прощают. Каждая родинка, каждая линия на коже – всё помнит, всё-всё, и найдёт с закрытыми глазами.

– Ты сильный, – шепнула она, обнимая его за шею. – Пусти, обед приготовлю! Я у тебя много сил отниму, так и знай!

Он хотел, чтобы она его поцеловала. И она поцеловала. И сразу же отстранилась.

– Сходишь в магазин, – велела она. – В доме нет масла, яиц... – она перечисляла. Память у Павла хорошая. Всё помнит. – Деньги есть?

Павел чуть не покраснел.

– Ничего страшного. – Она снова поцеловала. – Вон там, в вазочке возьми. И не ругайся с бабушкой Лизой!

– Кто такая бабушка Лиза? – поинтересовался Павел уже в прихожей.

– Шварцберг Елизавета Афанасьевна, – пояснила Елена, остановившись в дверном проёме. – Она добрая! И вовсе не сплетница! Не обижай её, соседка всё-таки!

– Шварцберг! – поразился Павел. Вот не знал. – Ты мне весь список назвала?

– Минералку! – крикнула Елена уже из кухни. – С лебедями! Возьми две бутылки!

– В магазин? – задала ненужный вопрос бабушка Шварцберг. Так её звал теперь про себя Павел. Но походила она вовсе не на арийку, а на Бабу-Ягу на пенсии – неведомо зачем обменивавшую избушку на курьих ножках на однокомнатную квартиру на окраине города.

– В магазин, бабушка Лиза, – отозвался Павел уже почти весело. Афанасьевна подняла голову. Точно, Баба-Яга! Один нос крючком чего стоит!

– Бабушка! – проворчала она, взяла тросточку в руку. – Это я Леночке бабушка Лиза, а тебе гражданка Шварцберг!

– Да, бабушка Лиза!

– Вот я тебя! – пригрозила Афанасьевна палкой, но угрозы не выполнила. – Ты вот что, друг любезный Паша, ты мне там молока купи. Такого, что в прямоугольных пакетах, с синей коровой, нежирное. Запомнил?

– Запомнил! – настроение стало совсем хорошее. – Что-нибудь ещё?

– Водички мне, просто водички, – подумав, пожелала Афанасьевна. – Ну всё, беги давай, ждут ведь тебя!

В магазине что-то было не так. Продавалось другие продукты, по другим ценам. Но почему-то казалось, что продавщицы и кассирши его, Павла, прекрасно знают. А может, у них всех было с утра хорошее настроение.

Павел взял всё, кроме минеральной воды – всегда что-нибудь, да забудешь – и снова вернулся в магазин, и снова получил улыбку от той же самой кассирши. Странно. Очень странно!

Бабушка Шварцберг осталась очень довольна.

– Вот умница, вот молодец, – одобрительно покивала она. – Обрадовал старушку. А сейчас домой, ждут ведь тебя!

И не возникло желания сказать в ответ что-нибудь резкое.

– Слушаюсь, – улыбнулся ей Павел и поднялся к двери чуть не бегом. Ого, в кармане ключ! Елена никогда не давала ключей от своей квартиры, всегда открывала сама, встречала сама...

Елена работала, на кухне. Готовила обед. Это казалось волшебством – так всё быстро нарезалось, ставилось на плиту и в печку. Улыбнулась Павлу – давай, разложи куда надо – и он разложил. И остановился, глядя, как та работает. Странно, что она в халате, неужели ей не жарко? Он улучил момент, когда она перестала нарезать овощи, обнял её, встав позади. Елена запрокинула голову, чтобы он мог поцеловать её, и шепнула.

– Всё, иди, займись делом, я скоро!

И Павел пошёл заниматься делом.

Вначале вернул всю сдачу в ту самую вазочку. Забавно, у них дома мама тоже откладывала деньги на хозяйство в вазочку. Было принято: нужно что купить что-то из продуктов – берёшь, покупаешь, возвращаешь туда чек и сдачу. Никогда дома с этим не было недоразумений.

И здесь то же самое. По совести, это очень приятно.

Я сплю, подумал Павел. Ну не может этого быть! Я выдумал всё это когда-то... или не выдумал? Или видел, но почему-то захотел забыть?

Всё, прочь мысли, прочь! Елена здесь, настоящая – не так давно мог в этом очень хорошо убедиться...

Я дома, осознал Павел. Я чувствую себя дома. Не «как» дома, а просто – дома. Я тут живу. Я приехал, чтобы здесь жить, здесь, с Еленой. Всё, точка. Он прошёлся по комнате. Елена не позволяла чинить диван, не объясняя – почему. А так легко «вылечить» ему ножку! Ну ладно, есть всё остальное. Там, где остались Маша и Вика, не скрипит ни одна половица, ни дверь, нет сломанных стульев. Дерево любит тебя, говорил Пал Палыч, учитель труда, я такое сразу вижу. Тебе, парень, в плотники, а то и столяры нужно. Талант!

...Павел сам не заметил, как взял инструмент – с инструментом у Лены небогато, но это поправимо. Взял и принялся приводить в порядок стулья, столы, двери. Когда он «починил» второй стул (любит хозяйка качаться на них, есть такой грех), то увидел, что Лена стоит в дверном проёме и смотрит, как он работает.

Вот это его ничуть не раздражало. А вот если смотрит Маша, то невозможно работать. Вика не мешает, Лена не мешает. Как здорово!

Она сняла фартук, пригладила волосы.

– Умница ты моя! – подошла, наклонилась и поцеловала. – У меня там ещё ножей полный стол...

Павел улыбнулся. Лена не любит точить ножи. Говорит, они этого не любят, режутся в ответ. Вот пользоваться ими – нормально, никогда не режется, а вот точить... Павел однажды посмеялся над этим, и так Лена обиделась, что Павел понял – над этим не шутят. Мало ли какие у человека «пунктики». У всех ведь есть.

– Сейчас наточу, – пообещал он.

– Не-е-ет! Сейчас мы будем обедать! Я уже есть хочу, сил нет. Всё, оставь инструменты и...

Он снова подхватил её – ловко, Лена только ойкнула и рассмеялась.

– Нет, – шепнула она. – Не сейчас, не сейчас. Покушай, наберись сил... они пригодятся! Вечером отговорки слушать не буду! – И стукнула кулачками по спине. – Пусти! Мясо стынет, а подогретое уже не то!

– Не пущу!

– Тогда неси на кухню, – согласилась она. – Мастер ты мой... неси, неси. Я тяжёлая!

2

Она доверила ему мыть посуду – вовсе не смешно, учитывая, что Елена относилась к кухне, как к храму. Как сам Павел относится к своей мастерской. Но совесть не позволяла всё оставлять на неё. И то Елена не ушла, а уселась рядом. Улыбалась и смотрела. Никогда не советует под руку, не даёт указаний. Всегда дожждётся, когда спросят. Как с ней легко и приятно!

Звонок. Елена не признаёт мобильников. Упорно не хочет покупать. Я, говорит, дома всё время, а когда не дома, то всегда ясно, где. Зачем мне мобильник? Так и не уговорил пока.

– Я возьму. – Она выпорхнула из кухни и почти сразу же вернулась.

– Это тебя, – протянула она трубку. Павел поразился.

– Меня?!

Кто?! Первая мысль была – Мария. Как-то узнала, и... Да нет, постой, что за бред! Откуда здесь Мария? В этой квартире и не она сейчас живёт, и...

– Павел Вениаминович? – Голос принадлежит мужчине властному, и Павел отчего-то знает, как тот выглядит: грузный, широкоплечий, вечно выпяченные губы, небольшая лысина, которой он стесняется.

– Да. – Павел отозвался не сразу.

– Понимаю, что у вас отгул, но у нас очень перспективный клиент. Вы можете подъехать в офис?

«Какой офис?» – чуть было не спросил Павел.

– Могу, – ответил он, наконец.

Вздых. Ощущается, что человек по ту сторону очень доволен.

– Мы вас ждём, Павел Вениаминович.

– Меня ждут в офисе, – сообщил Павел, чувствуя себя идиотом. Какой офис?! Какой клиент?! – Перспективный клиент.

Елена захлопала в ладоши. Она радуется, на самом деле радуется, поразился Павел.

– Ой, как здорово! Только ты не задерживайся там, ладно?

– Лена. – Павел обнял её. – Только не смейся. Где этот офис?

Она рассмеялась, но вовсе не обидно.

– Да здесь, рядом. Детский садик вы занимаете. Проводить тебя?

Она не стала удивляться, расспрашивать, ехидничать. Просто сказала, предложила помочь.

– Да, проводи! – Павел поцеловал её. – Посуду потом домою, хорошо?

– Ой, мне тебя и одеть прилично не во что, – всплеснула руками Елена. – Ничего, что-нибудь придумаю! Идём, идём!

У неё всё получается скоро. Минутку ещё провела в раздумьях, затем распорядилась – поставь мне гладильную доску, найди утюг, а сама чуть не целиком нырнула в шкаф. В конце концов, нашла бежевые, вполне приличные брюки – самую малость малые Павлу, рубашку в серо-коричневую клеточку. Уже неплохо.

– Вот. – Через пять минут Павел выглядел вполне цивилизованно. – Я сейчас! Убирай пока утюг!

У Елены всё лежит на местах, только места эти не сразу удаётся запомнить. Ещё одна странность – почему утюг нужно хранить именно в чулане и именно в дальнем углу второй полки, а гладильную доску ставить за шкаф в гостиной? Ответов не ожидается.

Через семь, по часам, минут Елена была готова. На этот раз – в джинсах, в светлой кофте. Волосы собрала в хвостик. Странно только, что волосы каштанового цвета, она

же была рыжая?! Или показалось? А когда поднималась по лестнице, была черноволосой! Ничего не понимаю!

– А давно ты перестала быть рыжей? – спросил её Павел, как только вышли на лестничную площадку.

Елена смутилась.

– Ой, ну только раз покрасилась! Я уже поняла, что свой цвет лучше, не сердись!

– Я не сержусь, – заверил её Павел и получил в ответ радостную улыбку. Всегда удивлялся, как она умеет по-настоящему радоваться каждой мелочи. Искренне и не сдерживаясь. Как ребёнок.

Они шли, вороша хрусткое золото под ногами, и Елена рассказывала – как она гуляла здесь вчера, да встретила собачку, всю такую лохматую, с больной лапкой, и искала, что же с такой больной делать. Виктория обожала такое рассказывать родителям, но Маша постоянно обрывала дочь: «Перестань рассказывать всякую ерунду». Теперь Вика рассказывает всё отцу – за завтраком. Мама – важный человек, менеджер. Чуть что – убегает по делам, и у отца с дочерью полно времени, чтобы поговорить о чём хочется.

– Зайдём к ним? – Елена сжала его руку. Они стояли у ограды, за ней – детский сад. Видимо, пришли. – Завтра они будут здесь гулять. Ну, та бабушка с Моськой. Зайдём?

– Зайдём, – пообещал Павел. Мысль пришла в голову неожиданно. – Идём, идём со мной вместе!

– А это удобно? – с сомнением посмотрела ему в глаза Елена. Какая она красивая в своей тонкой вязаной шапочке. Обожает вязать.

– Удобно. – Павел потянул её за руку. – Очень даже удобно!

– Павел Вениаминович! – представление Павла оправдалось в полной мере. Именно так начальник и выглядел – чёрный костюм, галстук, выпяченные губы и всё прочее. Рядом сидел пожилой человек с портфелем в руках. Хоть портфель его был старым и потёртым, а пальто – выдавшим виды, сразу ясно: при деньгах, и тратить их умеет.

– Рад познакомиться! – Вновь пришедший пожал Павлу руку. – Ушаков Василий Фёдорович.

– Елена Петровна, – представил Павел спутницу, – моя невеста.

Толстяк начальник и клиент переглянулись – и улыбнулись Елене. Она улыбнулась в ответ, отвела взгляд и прижалась к плечу Павла.

– Весь этот интерьер, вся мебель у нас – работа Павла Вениаминовича. – Толстяк не терял времени.

– Впечатляет, – искренне похвалил Ушаков. – Значит, я обратился к правильным людям. Вот что мне нужно...

Следующие пять минут он излагал. А нужно ему создать интерьер для частной школы. Гимназии. В смысле, мебель. Ну и вообще всё, что можно сделать из дерева.

Толстяк, Терехов Владимир Сергеевич, увёл посетителя в кабинет, бросив на Павла взгляд, в котором прочлось – наш клиент!

– Какая прелесть! – Елена прошлась по комнате, прикасаясь к столам, стульям, деревянным панелям... – Это правда ты, да? Всё сам сделал?

– Сам. – Павел прикоснулся к дереву и оно отозвалось – не объяснить, пока сам не почувствуешь. На дальнем от входа столе лежал мобильник.

– Ой, смотри, твой телефон! – Елена подбежала, схватила мобильник и протянула. – Растеряша! Вечно его теряешь! – Она снова прижалась к его плечу. – Спасибо, – шепнула едва слышно.

Дверь в кабинет начальника отворилась. Терехов и Ушаков появились оба, вид у обоих довольный. Клиент, теперь уже точно клиент, энергично пожал руку Павлу и покинул офис.

– Павел, простите, что заставил прийти. – Начальник достал платок, вытер им лицо и лысину. – Это наш самый крупный клиент. Вот это, – он протянул Павлу конверт, – задаток. Телефон... ага, вижу, уже забрали. На той неделе он с вами созвонится. Ну, – он улыбнулся Елене и та вернула улыбку, – больше не отвлекаю.

Видно было, что начальнику хочется запрыгать от радости, но – несолидно, несолидно.

Обратно шли быстрым шагом. Павел держал Елену под руку, та улыбалась и молчала. У подъезда увидели Афанасьевну. Баба-Яга на пенсии грелась на солнышке, довольно улыбаясь.

– Леночка, я вечером деньги занесу, – пообещала она.

– Да, баб Лиза, конечно! – улыбнулась Елена.

– Оставь мне кавалера на минутку. Не бойся, не съем! Я уже обедала сегодня.

Елена рассмеялась, поцеловала Павла в щёку и подбежала к двери. Скрежет – и нет Елены.

– Вот что, Паша. – Афанасьевна подняла взгляд, Павел с трудом его выдержал. – Чтоб она горя не знала! Ясно?

Павлу отчего-то захотелось встать по стойке «смирно».

– Ясно, Елизавета Афанасьевна, – ответил он. – Можно идти?

– Эльза я, – ворчливо поправила Афанасьевна. – Лиза, для своих. Можешь звать «баба Лиза», не обижусь. Ну всё, беги, она и так заждалась.

Елена ждала его в прихожей. Сама заперла дверь, прижала Павла к стене и поцеловала. Прижималась к нему... и не хотелось её отпускать.

– Разуйся и побудь здесь, – шепнула она, сняла свою шапочку и куртку, аккуратно повесила на вешалку. – Ко мне не заходи.

Павел сглотнул, вытер взмокший лоб. Скажи ему сейчас, что ещё утром он считал жизнь суетной и бесцельной – ни за что не поверил бы.

Ждать пришлось долго. В конце концов, дверь открылась и Елена возникла в гостиной. В тёмно-зелёном платье, с янтарным ожерельем, серёжками в ушах, в лёгких, чёрных туфлях.

Остановилась посреди комнаты и молча посмотрела Павлу в глаза.

Ему стоило немалых трудов подойти. Сейчас Елена выглядела вовсе не деревенской девушкой, удачно нашедшей себе место и работу в большом городе. Сейчас перед Павлом стояла принцесса.

Самая настоящая.

Он остановился перед ней и понял, что мысли все смешались.

– Лена. – Голос не сразу повиновался. – Я хочу сказать, что люблю тебя и... – Она смотрела всё так же молча. – Прошу тебя стать моей женой, – закончил Павел. И, сам от себя не ожидая, опустился перед ней на колени.

В тот момент всё это представлялось совершенно естественным. Как и потом, впрочем.

Она подошла, обняла его голову.

– Я согласна, – услышал он.

Потом... потом они стояли, обнявшись, и не было никакого дела до того, что творится вокруг.

Елена поцеловала его ещё раз, улыбнулась и отошла к двери, набросила халат. Убежала – в душ. Павел некоторое время лежал на спине – не удавалось прийти в себя и думать о ком-то, кроме Елены. Но всё-таки сумел.

Не удивился, увидев мобильный номер Марии в адресной книге. Надо поставить точку.

С той стороны долго не отвечали.

– Да? – Мария. Весёлая, и, похоже, слегка пьяная. Шум, голоса, музыка. У Марии веселье. Как всегда. Павел – всего лишь один из номеров в её большом представлении.

– Маша, это я. – Голос не сразу повиновался.

– Что, опять работа? – она засмеялась. – Не утрудишь там... когда приедешь?

– Я не приеду, – отозвался он твёрдо. – Больше не приеду.

Пауза. Мария, похоже, отчасти протрезвела, услышав подобное.

– Что случилось? – поинтересовалась она. – Опять обиделся? Сказать сразу не мог, что ли? Ты...

– Я не приеду, – повторил Павел. – Всего доброго. Будь счастлива.

Снова пауза.

– Когда вещи заберёшь? – поинтересовалась Мария. Спокойный, слишком спокойный голос. Ещё немного – и взорвётся, раскричится. Не давать ей повода.

– Они не нужны мне. Можешь выкинуть.

– Выкину, – пообещала Мария и повесила трубку.

– Что такое? – Елена подошла к нему. – Оденься! У меня тут дует. – Как она притягательна сейчас, да ещё с мокрыми волосами...

Телефон зазвонил. Павел посмотрел на номер – Мария.

– Ты сказал ей? – поинтересовалась Елена. Павел подтвердил кивком и сбросил вызов.

– Она не уймётся! – предупредила Елена. Павел выключил телефон и положил его в стол.

– Пусть.

– Оденься. – Елена поцеловала его. – Только простудиться не хватало!

– Нет. – Павел прижал её к себе. – Не хочу. Не этого хочу.

Она опустила взгляд, улыбнулась.

– Мой богатырь, – шепнула, закрывая глаза, и прижалась к нему.

... Через три часа Павел закончил смотреть, где что нужно подкрутить да привинтить. Ножи также были наточены, все до единого. Елена сидела в кресле, забравшись туда с ногами, и вязала. На голове у неё теперь был тонкий серебряный обруч. И серёжки сняла, и ожерелье, но осталась принцессой, хоть и одета в домашние штаны и выцветшую рубашку.

– Нужно съездить к родителям. – Она подняла взгляд. – К моим, а потом к твоим. Попросить благословения. Не спорь, так нужно. Мне нужно.

Павел чуть не пожал плечами. Елена очень чутка к подобным жестам. Не любит их, очень не любит.

– Да, конечно. – Он уселся на пол у кресла, положил голову ей на колени. Елена отложила вязание, погладила его по голове.

– Ты светишься. – Она прижала ладонь к его щеке. – Ты такой счастливый. Я очень-очень рада, Паша.

– Ты долго ждала. – Не вопрос, утверждение.

– Я знала, что дождусь. – Она вновь взяла вязание. – Никуда сегодня не пойду. Хотела тебя в кино вытащить... Завтра, всё завтра. Или послезавтра. – Она рассмеялась.

– Мне нужно будет съездить за вещами. – Павел сказал это, и понял, что не помнит, куда ему ехать за вещами. Есть же у него свой дом, не у Марии ведь жил.

– Только не сейчас! – Елена снова погладила его по голове. – И не завтра. И не послезавтра, ладно? Ты мой! Не отпускай!

– Я твой, – согласился он. Мне приснилось, подумал он. Мне приснилось, что когда-то позвонила пьяная в дым Мария, и я сжалился, и согласился вернуться, а вскоре уже появилась Вика... Вика.

– Вика, – произнёс он вслух.

– Кто такая Вика? – Елена улыбнулась, не прекращая вязать.

– Хорошее имя для девочки. – Павел выпрямился.

– Очень хорошее, – согласилась Елена. – Я тоже думаю, что будет девочка.

Павел оторопел. Елена иногда как скажет... Никогда не заставляла его предохраняться. Ну то есть не было нужды напоминать, но после первого же раза сказала – гадость какая, не хочу пахнуть латексом! Сама что-нибудь придумаю! И придумала. Сейчас с этим несложно.

– Ты не...

Она засмеялась.

– Ещё нет. Испугался? Ну честно, испугался, да?

– Нет. – Павел помотал головой. – Просто всё так неожиданно.

– Немножко испугался. – Она положила его голову себе на колени. – Не сейчас, нет. Не сегодня. Наверное, месяца через два. Или три. Пусть будет нормальный медовый месяц, да?

– Откуда ты знаешь?! Тьфу, что я... Как ты можешь знать?

– Знаю, – посмотрела она ему в глаза. – В себе-то я могу разбираться. Вика, да? Хорошее имя. Пусть будет Вика. Только никому не слова! Особенно родителям!

– Ни слова, – согласился он. Елена вяжет шапочку. Похоже, ему – зимнюю. Павел вспомнил про конверт от Терехова. Сходил за ним, заглянул внутрь, присвистнул.

– Много? – поинтересовалась Елена, не поднимая взгляда – считала петли.

Павел написал на конверте число. Мама не любила, когда дома считали деньги вслух. Только на бумажке. Уж непонятно, кого или чего она опасалась, но...

– Вот, – показал он. Елена подняла взгляд и на миг потеряла дар речи.

– Так много... – прошептала она. – Такой крупный заказчик? Да?

– Да, – согласился Павел. – С понедельника становлюсь папой Карло – буду жить у верстака.

Она вскочила, отбросила вязание и бросилась к нему на шею.

– Ты мой лучший папа Карло! У тебя всё получится, я знаю! Ты станешь знаменитым!

– Да? – Он прижимал её к себе, и плевать ему сейчас было и на конверт, и на славу, и даже на дерево вообще... Прости, дерево, не сейчас, ладно? Он часто обращался к дереву, нет – к Дереву. Никому никогда не говорил, Павла и так считают малость тронутым.

– Да! Да, да, да! – Она поцеловала его, прижалась всем телом. – М-м-м... – улыбнулась, запрокидывая голову. – У тебя есть ещё силы? Или мне кажется?

– Не кажется. Пойдём?

– Нет, здесь. Прямо здесь.

Павел проснулся и понял, что уже ночь.

Вот это был день... Они успели и погулять – Елена всегда гуляет, доходит до парка или леса, и приготовить ужин, и съесть его, и посмотреть комедию – дурацкая, хотя и не идиотская. Французская, кажется – Елена радовалась и веселилась, и Павел мало-помалу втянулся. Хотя комедии не очень любит. И было ещё вино, и вечер, и вкус её губ, и смех, и полумрак, и податливое тепло под ладонями...

Павел уселся. Один в постели. Елена сидит за столом и работает – рисует. Хорошо рисует, карандашами – хоть на выставку, такие картинки живые! Но стесняется, что ли. И вышивает. Для вышивок и рисует, а вот куда деваёт вышивки – он не знает.

Она оглянулась.

– Ой... тебе свет мешает, да? Я уйду в ту комнату.

– Нет, – помотал он головой. Усталость, с которой он проснулся, быстро куда-то девалась. Приходила бодрость. – Не спится?

– Ага, не спится. – Она сняла обруч, помотала головой. Как красиво, какая она вся красивая... – Попробовала читать. Не могу, голова не тем занята, – она улыбнулась. – Вставать будешь? Рано ещё, два часа ночи. Воды тебе? Или чая?

– Тебя, – он сам не ожидал, что сможет сказать это. Она уселась на краешек кровати.

– Я думала, ты уже всё, – улыбнулась она. – Ты уверен? Я ведь так просто не отстану!

– Уверен. – Павел прикрыл глаза, голова начинала кружиться от ощущения её близости.

– Богатырь, – прошептала она снова, обняла его, вскочила. – Я сейчас! Только попробуй снова уснуть!

3

Он снова проснулся. Лампа выключена, часы слабо светятся. Половина шестого утра. Елена под боком, прижалась к нему, улыбается во сне. Он прижался к ней, поцеловал – легонько, чтобы не разбудить. И запах её кожи снова бросил в жар. И откуда столько сил?!

«Буди меня, как проснёшься», сказала она. «Или я тебя разбужу. И попробуй только отказаться!»

Они оба рассмеялись. Отказаться... Они два с лишним года жили встречами – один, два раза в месяц. Он всё не мог решиться – ну тянуло, тянуло к Марии, и дело не только в постели. «Я для тебя только любовница?», спросила Елена утром той ночи, в которую они впервые были близки. «Нет», ответил Павел, не раздумывая, и она поверила. А ведь её не обманешь, всё чувствует. Но не лезет в душу, как Мария, не вынуждает на откровенность. Просто слушает – сидит, вяжет или читает, или занимается хозяйством, и слушает. И само всё говорится.

Это сон, или то был сон? Ну не было ведь Елены! Было всё остальное. Когда Мария не пускала к себе – характер у неё сложный, настроение меняется часто – он всё думал, как бы её уязвить. И сказал однажды: «Поеду к Елене, она всегда мне рада». Мария только рассмеялась – уж она-то знала, непонятно как, что нет у Павла другой девушки. И уж не могло быть другой такой невесты. Такой богатой. Экономист, и вот-вот получит очень перспективную работу... Езжай, езжай, Паша, сказала она тогда.

И он поехал. Домой. И там, в полумраке, впервые придумал её – увидел в воображении Елену. Имя сразу появилось. И внешность – не красавица-фотомодель с ногами от ушей, нет – но красивая. Другим покажется нескладной, но красивая. Просто нужно уметь увидеть красоту. И началось...

С того вечера он позвал в свою жизнь Елену – выдумку, приятную, позволявшую отвлечься. Мария умела делать несчастным – а потом счастливым, и снова несчастным, снова и снова. Умела и умеет! Когда становилось невыносимо, Павел, сам того не осознавая, призывал на помощь Елену. Он знал всё – внешний вид, запах её кожи, цвет волос, привычки, всю её историю.

– С кем это ты говоришь? – поинтересовался однажды отец, когда застал Павла на кухне, ведущим разговор тихим шёпотом с невидимым собеседником. Павел в то время снимал комнату – жить с родителями стало невыносимо. Мать всё чаще забывалась, считала Павла чужим человеком. Павел приходил к ним в гости, когда матери становилось лучше. Отдавать её на лечение отец категорически не хотел, а врачи не настаивали.

– Ни с кем, – ответил Павел. Он испугался. Впервые осознал, что так погрузился в фантазии, что уже не найти дорогу обратно.

– Что у тебя с Машей? – Отец тяжело опустился на соседний стул. Он сильно сдал за последние несколько лет – когда мать начала заговариваться и путать реальность и вымысел.

– Плохо, – отозвался Павел почти равнодушно. Работа помогала отвлечься. Что ни говорите, а он всё-таки мастер, пусть и не всеми признанный. Вот уже и здесь, дома у родителей, стоит *его* мебель, сделанная *его* руками.

– Не пара она тебе, – заключил отец. – Много о себе воображает. И мужиков у неё слишком много.

– Я люблю её. – Павел удивился лёгкости, с которой сказал это. И говорил правду. Был уверен, что любит.

Отец вздохнул. Налил себе и сыну по стопочке водки. Был повод – праздник всё-таки, девятое мая.

– Папа, кто такой этот Петя? Почему мама иногда зовёт меня Петром?

Отец потёр лоб ладонью и снова вздохнул.

– Если не помнишь, лучше не вспоминай. И не расспрашивай её, ей сейчас получше стало.

– Но...

– Потом. Когда-нибудь.

Он не сказал, «когда её не станет», но это было ясно. Мама угасала, с каждым годом выглядела всё более тощей и вела себя всё более странно. И никаких видимых причин, врачи только руками разводили.

– Ладно. – Павел поднялся. – Денег вам не нужно? У меня сейчас с заказами хорошо.

– Строй свою жизнь, – посоветовал отец. – Если что нужно, я скажу. Мы всегда по-простому.

– Да, – согласился Павел и обнял отца за плечи. – Скажи, если что.

– Не говори сам с собой, – попросил отец. – Я же вижу, это всё из-за Машки. Ты сам не свой. Давай хоть ты держись.

– Да, папа, – пообещал Павел.

Но он нарушил обещание. Не получалось не говорить. Ведь Елена с каждым днём становилась всё более настоящей.

...Павел осторожно откинул покрывало. В комнате тепло, даже жарко. Сегодня впервые Елена не надела ночную рубашку. Легко понять, почему.

Он смотрел на неё и не мог наглядеться. Но она тоже устала, хотя и не подавала виду... Пусть отдыхает. Уже некуда торопиться. Будущее здесь, его не нужно догонять.

Тело помнило, где что стоит. Павел оделся, прикрыл Елену покрывалом (она пошевелилась, но не проснулась), прошёл на кухню, не зажигая света – и ни разу ни за что не зацепился. Как будто знал здесь всё до мелочей. А ведь мебель стоит совсем по-другому!

И как это понимать? Такие привычки не вырабатываются моментально. А визит к начальнику? Павел вообще не знал, что говорить – ведь ничего же не помнит из «этой» жизни. Но всё говорилось ладно и вовремя, как будто всего лишь на минутку забыл.

Он налил воды, сел у стола. И тут кругом ощущается Елена, её присутствие. Как же так получилось? Как она стала настоящей, неужели он, Павел, всё-таки сошёл с ума?

Он прикрыл ладонями лицо. Голова закружилась.

– ...Ты трубку брать собираешься?

Голос... Марии. Павел вздрогнул, отнял ладони. В кухне светло; поодаль, в коридоре, стоит Вика, боязливо смотрит на родителей. Злая, поджавшая губы Мария протягивает телефон.

– Спасибо. – Он принял телефон. Не глядя, подтвердил вызов.

«Где я?!»

– Слушаю, – услышал свой голос. И далее разговор будто пошёл сам собой. – Да, Владимир Сергеев... простите, Павел Владимирович. Да, буду сегодня к двум.

– В пять часов Вику из школы встречать, – крикнула Мария из прихожей.

– У меня срочный заказ! Когда ещё такое будет!

– А у меня совещание. – Мария выглянула. – Виктория, марш к себе! Быстро! Я не могу перенести эту встречу только потому, что тебе там заказали пару столов и табуреток.

Лицо Павла окаменело. И тут на лице Марии появилась почти что робость. Ненадолго.

– Деньги в основном зарабатываю я. – Голос Марии стал сухим. – Ребёнок не должен идти домой один, ясно? До вечера! – и удалилась. Слабо щёлкнул замок.

Вот как он дожил до такого?

Нет, пора менять, подумал Павел. Если Елена мне приснилась, то это знак. Пора всё менять. Иначе точно с ума сойду. И так весь двор ржёт – мужик у бабы за домохозяйку. А я

мастер, чёрт возьми! Мастер! И пока что все мои достижения – стулья да табуретки. Правда, очень красивые стулья и очень надёжные табуретки.

– Па-па-а-а... – Вика появилась на кухне. – Пап, да не слушай ты её. Я сама до дому доберусь. Мне же семь лет уже, не три!

«Не три». Павел усмехнулся. Вика и в три года была очень, очень самостоятельной особой.

– Так нельзя. – Павел погладил её по голове. – Я знаю, что ты прекрасно дойдёшь. Но ты же читала – сколько заметок про наркоманов. Со мной безопаснее.

Вика вздохнула.

– Папа... А эта Лена, с которой ты говоришь, она кто? Она настоящая, да? Всамделишная?

Дожили. Ребёнок услышал, как отец говорит с невидимой собеседницей.

– Настоящая. – Павлу трудно было это сказать. – Для меня настоящая. Мать пусть думает, что хочет.

Вика энергично закивала головой.

– Пап, ты к ней уйдёшь, да?

Дети видят слишком много, подумал Павел. Если бы я знал, как уйти назад, в тот сон...

– Папа! – Вика потормошила его. – Я что, маленькая? Так ты уйдёшь? Да?

– Если честно, очень хочется. Сыт по горло. – Павел неожиданно почувствовал злость. Не надо бы говорить про Марию плохо при ребёнке... Хотя ребёнок и так всё видит. Ведь сам себя довёл до такой жизни! Сам послушно прогибался. Вот и прогнулся, что узлы вязать можно в любом количестве.

Вика снова вздохнула.

– Па-а-а-а... Только ты приходи ко мне потом, ладно? Мама меня всё равно тебе не отдаст, – грустно заключила она.

– Так. – Павел поднялся. – Сопли отставить. Что-нибудь придумаем, Вика. Папа просто так тебя не бросит. И с мамой я совсем уж ругаться не хочу. Она ведь у нас менеджер.

– Ме-е-е-енеджер. – Вика очень похоже изобразила козу и они рассмеялись. Да. Вот с этого когда-то всё и началось. С «ме-е-е-енеджера». Тогда они всерьёз разругались, тогда Мария впервые ударила дочь.

Снова закружилась голова.

– Паша?

Павел вздрогнул, поднял взгляд. Елена. Сон... или что? Всё снова поменялось. Кроме...

В руке у него другой телефон. Тот, который у него был там, где Мария и Виктория.

– Заснул? – засмеялась она. – А меня одну бросил!

– Странный сон, – признал Павел. Только что произошедший разговор с Марией и Викой проваливался, уходил в толщу памяти, терял краски реальности.

– Я не сон! Да? Да? – Она села ему на колени и Павел осознал, что на Елене ничего нет. И голова закружилась уже по-другому.

Она рассмеялась, когда он подхватил её и понёс – назад, в спальню, она же кабинет.

– Иди ко мне, – попросила она, как только Павел посадил её на кровать. – Иди... всё потом, все сны потом, да? Да?

Да.

Все сны – потом.

Все до единого. Даже сон о Виктории.

Елена таяла, текла под его пальцами, была и сталью, и воздухом, и жаром, и прохладой.

Неужели я тебя придумал? Неужели я придумал, и ты появилась?

– Ты мой, – шепнула она, покусывая его за ухо. – Мой, мой, мой... никому не отдам... никому-никому...

– Что будешь на завтрак? – поинтересовалась Елена, появившись в спальне. Павел позволил себе немного поваляться, хотя давно уже не позволял. Елена не возражала. Мебель подкручена, ножи наточены, из кранов не капает, двери не скрипят, пусть мужик отдохнёт малость.

– Как всегда, – предположил Павел.

– Смотри! Растолстеешь, заставлю жир сгонять! – предупредила Елена. Увернулась – Павел попытался поймать её. – Не сейчас! Ты умеешь готовить только яичницу! Потерпи! И убежала.

А Павел положил оба мобильного и принялся переводить взгляд с одного на другой.

Ничего не понимаю. Так сон или нет?! Откуда во сне может взяться мобильник из... то есть наоборот, откуда не во сне может взяться?

«Как всегда» означало яичницу с ветчиной, сыр и кофе. Сама Елена ела бутерброды с сыром, ну и кофе тоже пила. По-настоящему ела только за обедом. А так... Птичка не птичка, но ест мало.

– Съездим к моим сегодня? – предложила она.

– Давай, – согласился Павел. Увидеть чуть больше этой реальности, где у выдуманной девушки есть настоящая мама. Хорошо, если настоящая.

– Тебя что-то беспокоит, – заключила Елена, встав у него за спиной. – Нет-нет, не мешаю. Кушай. Это правда был только сон?

– Я не уверен, – признался Павел. – Хочется думать, что сон.

Она потрепала его по голове и вернулась за стол.

– Ты какой-то не такой, – признала она. – А может, это я от радости... Поел? Всё, брысь с моей кухни, займись домом!

Займись домом? Прибраться? Не привыкать, да и не унизительное занятие, приводить свой дом в порядок. Свой дом – ведь хозяин не тот, кто может продать или сломать, а тот, кто заботится. Вот. Отец этому обучал, а сам Павел, вроде бы, сумел обучить Вику.

Павел бродил по комнатам, работая пылесосом, и думал.

Странно всё получается. Раньше всё воображал – как Елена выглядит, всё такое. Воображал и, так скажем, интимные моменты. Прямо скажем, воображал больше того, о чём осмелился бы говорить вслух. В голову иногда такое придёт, сам удивляешься.

Однажды Мария соизволила прийти к нему сама. Совсем худо было Павлу, выдуманная девушка не помогала жить, скорее уже наоборот, а настоящая крутила им как хотела, и ничего толком не говорила.

– Так она что... Она на самом деле?! – поразились Мария. Что-то почуяла. Потом Павел осторожно расспросил её – да, именно почуяла. Запах косметики. А ведь воображаемая Елена практически не пользуется косметикой, так – дезодоранты, и то потому, что ей нравятся их запахи – ненавязчивые, но узнаваемые. Морская соль. Корица.

В тот момент Павел хотел сказать всё. Что нет Елены, и не было, что это просто игра воображения. А ну как Мария покрутит пальцем у виска и сразу же уйдёт?

Он решил просто задвинуть Елену подальше в память, убрать долой, не думать и не представлять её.

– Была, – пояснил Павел, в надежде, что Мария поймёт так, как он надеется.

– Паша! – Мария кинулась к нему на шею. – Прости меня! Ты один меня на самом деле понимаешь... – И так далее, и тому подобное. Мария умеет добиваться своего. И ведь права

была – пожалуй, только Павел и был с ней просто потому, что ему нужна была она. Вся. Не деньги, не тело, не связи по отдельности.

...И Елена ушла, частично вернулась назад, в нереальность, в небытие.

И вот она здесь, в той же самой квартире, хлопочет на кухне. Именно такая, какой её Павел и представлял. До каждой родинки, до запаха волос и кожи, до звука голоса.

– Всё убрал! – Елена появилась в гостиной. – Умница! Давай, собирайся. Туда ехать полтора часа в одну сторону.

– Прямо сейчас? – Павел взял её за руки, посмотрел в глаза.

– Я веду себя неприлично, да? – прошептала Елена, прижимаясь к нему. И вдруг заплакалась, обхватив его руками, прижавшись сильно-сильно. Павел не знал, что и делать. – Я не могу без тебя! Я больше бы не смогла!

– Я с тобой. – Павел погладил её по голове. – Я с тобой, солнце моё.

Она отстранилась, улыбнулась, вытирая слёзы. Губы ещё подрагивали.

– Я неприличная, я знаю. Я с тобой не могу по-другому! Вот! Но не сейчас. А то уже никуда не смогу поехать... Не захочу.

Он отпустил её руки.

– Идём. – Она взяла его за локоть. – Электричка через тридцать пять минут. Времени почти нет!

4

Но времени было предостаточно.

Они сидели в жарком, пахнущем лаком и гуталином вагоне – не иначе, отопление включили, и зачем, спрашивается? Елена прижалась к нему, положила голову на плечо, и все, кто ни смотрел, улыбались – что-то было в её лице. Держала Павла за руку и время от времени сжимала её так, что становилось не по себе от ощущений.

Совсем неуместных в общественном транспорте ощущений и чувств. Хотя какая кому разница! Кого это вообще касается!

– ...Выходим! – она потянула Павла за локоть. – Не спи! Хотя нет, лучше сейчас спи, а не ночью!

– Прекрати! – шепнул он ей громко, ощущая – вот-вот покраснеет. Как мальчишка, право слово!

Она хихикнула, стащила его по лесенке на перрон. Тут немногие выходят – деревушка и есть деревушка. Если бы не железная дорога рядом, поди, совсем бы захирела.

– Не прекращу! Нам вон туда, вниз по улице! Минутку...

Она достала косынку и повязала голову.

– Мама не любит, когда простоволосая, – пояснила она.

Да-да. Я и это выдумал. Мама, чуть более набожная, чем нужно, отец, печник и плотник, молчаливый, но, особенно в лёгком подпитии, добродушный и широкой души человек.

– А ты, значит, другая!

– Я другая! Что, не заметил? – Она прыснула. – Только не расстраивай их!

– А если не дадут благословения? – Павел взял её за руки, остановил. Елена сердито посмотрела в ответ.

– Дадут! Веди себя прилично, вот и всё. Всё, молчи, никаких «если»!

– Прилично – это как?

– Говори правду, вот и всё! Всё, умолкни, горе моё!

Что-то изменилось в лице Павла. Елена бросилась к нему, обняла.

– Радость, радость! – шепнула она. – Мама у меня строгих правил, – пояснила она. – До сих пор думает, что я ни с кем не была.

– Не была? – не понял Павел сразу.

– В постели, – пояснила Елена одними губами. – Не огорчай её! Она хорошая!

– Не буду, – Павел прижал Елену к себе, слушал её дыхание и радовался – тому, что жив, тому, что с ней.

– Всё, идём, – Елена взяла его за руку. – Не забудь поздороваться с отцом за руку!

Да-да-да.

Он всё это и так знал. И множество других подробностей. Но... странное дело, пока Елена говорила, казалось, что и не знает – усмехнулся, кивнул, покачал головой. Родителей не выбирают. Какие есть, такие есть. Вот и всё.

...Встретили их тепло. И отец, и мать поначалу смотрели настороженно. Но потом Павел согласился помочь по мелочам по хозяйству – проверяет его будущий тесть, проверяет! – с матерью, язык не поворачивается сказать «тёщей», поговорил – и тоже вышло ладно и мирно. Отвечал на вопросы о работе честно, как и было велено. О будущей семье, какой её видит, сказал, а как же.

– Детский садик, – неодобрительно заметила Тамара Ильинична, мама Елены. – Все садики отдали, а куда потом детей девать?

– Отберут, – уверенно заметил Тимофей Васильевич. – Верно, Паша? Как думаешь? Как станет детишек много, ведь отберут садики-то обратно?

– Отберут, – согласился Павел. – Детям нужнее.

Они остались до обеда, и потом посидели часик. И ещё один.

– ...Вот что, Павел, – заключила Тамара Ильинична. Они сидели за прибранным уже столом – дочь между родителями, Павел напротив. – Лена давно говорила о тебе. Я тебя знаю мало, но вижу, человек хороший. – Она покосилась на мужа и тот кивнул, пригладив бороду. Да, отец тут явно не глава семейства. Не по всем пунктам. – Благословляю вас, – она встала, встала и Елена, глазами велела Павлу – поднимись!

Склонить голову было и уместно, и приятно. И сразу стало теплее как-то, легче.

– Лена. – Тамара Ильинична посмотрела строго. – Чтобы всё было, как у людей. Как положено.

– Да, мама. – Елена склонила голову. – Ты же меня знаешь.

– Знаю, – улыбнулась женщина, обняла дочь, прижала к себе.

– Береги её, Паша, – посмотрела в глаза Павлу. – Одна она у нас.

– Я так рада! – Платок Елена не сняла и в поезде, хотя там её мать уж точно видеть не могла. – Как в сказке... Ты пришёл, и остался, и с работой у тебя хорошо, и мама с папой мои согласны... А твои?

– Согласятся, – уверенно отвечал Павел.

– Давай к ним завтра? Ну пожалуйста!

– Давай, – улыбнулся он. – Сегодня позвоню, а то вдруг соберутся куда.

– Уже семь часов! – ахнула Елена, когда они вышли из вагона. – Ужас-ужас! Ну-ка, быстро домой, отстаём от графика!

Павел посмотрел на телефон. Вот зараза! Мария звонила. Ну звонила и звонила, здесь они уже никто друг другу.

...Но и на втором телефоне тоже был пропущенный звонок. И тоже от Марии.

Вот тут Павел задумался. Крепко задумался. Правда, Елена так счастлива, что не обращает внимания – шла себе и шла, и что-то напевала, и несколько раз махнула рукой нескольким встречным девушкам – сослуживицам?

А дома про Марию и вспоминать-то особо не хотелось.

– Мы куда? – поинтересовался Павел. Елена редко суежилась, обычно точно знала, что и куда. «Если шагу немного прибавить, можно вовремя всюду успеть – но не лучше ли выйти пораньше?» Он не помнил, где именно вычитал этот забавный стишок, а Елена вначале рассмеялась – она обожала такие афоризмы – а потом сказала, совершенно всерьёз, «так и надо жить».

Так и надо жить.

– ...Мы куда? – повторил Павел. Елена подбежала к стеллажу и, довольная, несколько раз подпрыгнула.

– В кино! Бежим быстрее, на такси придётся ехать!

...На такси она ездить не любит. Деньги есть, с этим нет проблем, но – к чему ненужная роскошь?

Павел не думал, что повторный просмотр «Матрицы» может так подействовать. Вроде и смотрел в первый раз с удовольствием, очень уж красочно и ладно сделано, не оторваться – а повторный просмотр навёл на мысли. В том числе на невесёлые.

– Па-а-а-аша! – Елена потянула его за рукав. Обратно шли пешком – погода отличная, да лесной воздух, да выходной... – Тебе не понравилось? Да?

– Мне очень понравилось, – он не кривил душой. – Только на странные мысли наводит.

Она рассмеялась, весело и звонко, забежала перед ним и преградила дорогу.

– Думаешь, я сон? Или ты сон? Тогда иди в мой сон! Я в твой не пойду!

– Не пойдёшь? – Павел сделал вид, что хочет поймать её, сцапать – по-медвежьи. Елена с восторгом уворачивалась. Прохожие смотрели кто с улыбкой, кто с недоумением – и бог с ними со всеми.

– Не пойду! И тебе не надо туда!

– Куда? – оторопел Павел. Елена подбежала, взяла его за руки и посмотрела в лицо.

– В твои сны. *Вте* сны. Ты когда просыпаешься после них, такой грустный... Плачешь иногда. Я помню! Всё, хватит, ты мой! Домой-домой, у меня для тебя там сюрприз!

– Угадать, какой?

Она снова засмеялась, счастливым детским смехом.

– Попробуй!

...Он не угадал со всех трёх попыток.

– Вот. – Она протянула ему бумажку. Они как раз стояли у аптеки. Дежурная, единственная, которая ещё работает в такое время. – Возьми мне вот это! Мне подготовиться надо! Не задерживайся! – поцеловала его и убежала.

Павел оглянулся. Сумерки стремительно сгущалось, пламя заката плавило горизонт. Скоро, скоро остынет пламя и наступит настоящая, пусть и короткая, ночь.

Голова закружилась, когда он дошёл до подъезда. Павел взялся за ручку двери, чтобы не упасть. Что такое? Что случилось?

Дверь открыли. Мария стояла по ту сторону.

Какого... Павел не сразу понял, что видит *ту* Марию. Ту, которая из другой жизни, где есть ещё Виктория.

– Заходи. – На лице жены не отразилось никаких эмоций. О, да. Мама-менеджер так устала, что ей ни до чего нет дела. – Хлеба взял?

Павел посмотрел на пакет в своей руке. Что за... Да, и пакет, и Викины любимые йогурты, и много всего привычного.

– Заходи, заходи. – Мария смотрела на него с некоторым удивлением. – Вика уже зажда-лась.

5

– Папа, я тебя люблю! – Вика схватила пакеты с йогуртом и помчалась к себе в комнату. Знает, что мама ворчит, когда едят не на кухне, но нарочно, нарочно злит. Вот как сейчас.

– ...Что с твоим заказом? – Мария закрыла дверь в спальню. Вика самозабвенно смотрит детские фильмы. Уроки сделаны, йогурт есть, папа дома, что ещё нужно для счастья?

Павел чуть не прижал ладони к голове, с такой силой туда ворвалась память. Память обо всём, что случилось за этот день «здесь». И то, что пришлось звонить и чуть не оправдываться, что нет возможности приехать, и счастливая Вика, которая всю дорогу от школы рассказывала про то, какая она там умная, и скучно, ску-у-учно, и что такого щенка видела из окошка, папа, может мы всё-таки заведём собаку? Ну пожалуйста! Пожа-а-алуйста! С мамой я сама поговорю!

Взрослая уже. В том смысле, что всё прекрасно понимает, и уже рассуждает так серьёзно, что оторопь берёт. Не торопись, Вика, а? Второго детства ведь не будет.

– Может, не пропал ещё, – сообщил Павел сухо. Пропал, железно, и следующий уже могут предложить кому-то ещё. Начальнику зачем рисковать такими клиентами? Павел отличный столяр, слов нет, но жена им вертит как хочет...

– У меня было важное совещание. – Ого, да она почти оправдывается. – Прости. Завтра узнай, хорошо?

Они редко обнимались. Теперь – редко. И уж не приведи бог при ребёнке! Хотя Вика очень тактичная, многое уже знает о причудах взрослых отношений, и не любопытствует. При том, что во всём остальном нос суёт – успевай только ловить! И вот – Мария обняла его. Павел чуть даже не отшатнулся, так всё неожиданно.

– Вика, – позвала Мария. – Детское время кончилось!

– Да, мамочка!

Можно и не следить. Сейчас Вика вздохнёт, выключит видео и телевизор, и помчится в ванную – умыться. И сама потом ляжет спать. Дисциплина!

– Ты странно себя ведёшь, – заметил Павел, когда Мария его отпустила. – Что случилось?

– Мы всё ещё муж и жена. – Мария смотрела пронзительным, нестерпимым взглядом. – Или уже нет?

– Да, – ответил он, что означало «нет». Но сказано было другое, и сказано было вслух. И что-то защемило внутри, Павел даже прижал ладонь к груди – там, где сердце.

– Я была неправа. – Она всё поняла, подумал Павел. Естественно, трудно не заметить, что все мысли о другом. – Прости.

Но не просит, что вы. Это тоже требование, пусть и высказанное другим тоном. Голова снова закружилась...

– Паша! – Елена подбежала – сидела в кресле и заметила, как Павел прижал ладони к груди. – Что с тобой? Тебе нехорошо?

– Я сплю, – произнёс Павел безжизненно. – Лена, я не хотел говорить, прости...

Она что-то говорила, но он не слышал. Вновь всё завертелось, закружилось и его понесло, понесло, понесло...

– Не спишь? – услышал он голос Марии. – Я хочу поговорить с тобой.

Павел не сразу осознал, что он в постели, и не один, с Марией. Большая редкость в последнее время. Все моменты их близости чуть не по календарю расписаны. «Это я, ваш муж, пришёл исполнить свой супружеский долг. – Но вы были у меня уже трижды, мой муж!

Вы великолепны! – Да?! Проклятый склероз...» Мария жутко возмутилась в тот раз, когда Павел, в компании, рассказал этот анекдот.

– О чём? – Павел вспомнил – да, и в самом деле они недавно были близки. Это неправильно, подумал он, так нельзя!

– У тебя в кармане куртки были таблетки. Не скажешь, зачем?

Какие таблетки? Павел не сразу понял, о чём она, и повторил вопрос вслух.

– Вот эти. – Мария достала коробку из-под подушки. – Это противозачаточные. Для женщин. Зачем они тебе?

Ах, да. Мария пользуется таблетками, но другими.

– Я задала вопрос, – повторила Мария резким тоном.

– Не мне. – Павлу ничего не хотелось – кроме одного: проснуться. Чтобы там, где он проснётся, была Елена, а Мария была далеко-далеко. И... чтобы была ещё Виктория. И всё.

– Ясно, что не тебе. Для кого купил?

– Для Елены, – ответил Павел чистую правду.

Мария уселась в постели. Уселся и Павел.

– Вот как. – Она говорит спокойно, но впереди или скандал, или другие неприятности. – Значит, ты снова был с Еленой.

– Был. – Павел уселся. – И остался бы с ней.

– Ты спятил. – Мария спустила ноги с дивана, обернулась. – Ты псих, ты знаешь? Одно я тебе точно обещаю: Вику ты не получишь.

– Она настоящая. – Павел выдержал взгляд. – Елена настоящая! Более настоящая, чем ты.

Мария набросила халат и ушла на кухню. Закрyla за собой дверь – неплотно. Будет плакать, подумал Павел. Кто тянул меня за язык, зачем я сказал «да»?

И захотелось спать. И он заснул – что бы ни было, а всё нужно решать на свежую голову.

Мария забрала с собой телефонную трубку из спальни и оба мобильника Павла. В кармане была не только коробочка с таблетками, но и чек из аптеки. Что-то в нём было не так.

Руки у Марии тряслись. Будь она проклята, эта выдуманная Елена! Одно время мама говорила, не связывайся, у него с головой не всё ладно, смотри, он же говорит сам с собой. Господи... Мария уткнулась лицом в руки. Но он один, он один смог вытащить её из запоя, ему одному она была нужна не только в постели, он один умел ей восхищаться. Умел? Умеет? Откуда у него второй мобильник? Откуда такой уверенный голос?

Мария не особенно удивилась, заметив в адресной книжке второго мобильника запись «Прохорова Елена Петровна». Посмотрела на номер...

Номер их домашнего телефона.

Ты сошёл с ума, Паша, подумала она. Господи, и я тебя любила! Или не любила? Ничего уже не понимаю, ни-че-го... Она думала, ощущая, что с головой происходит что-то неладное, и... вызвала номер Елены. Со второго мобильника. О существовании которого никогда не знала.

Посмотрела на телефонную трубку. Сюда, сюда она звонит. Сейчас зазвонит телефон и можно начинать думать, что делать с мужем, который запутался между реальностью и фантазией, который не осознаёт, где и с кем говорит.

Трубку сняли почти сразу. А телефон так и не зазвонил.

– Кто это? – спросила Мария почти робко. Повесь трубку, выключи телефон, выброси его! – вопил здравый смысл, но вопль звучал всё тише и тише.

– Маша? Это ты? – Женский голос.

– Елена? В-вы Елена Прохорова? – Мария чувствовала, что её знобит. Повесь трубку! Повесь немедленно!!

– Да. – Голос Елены спокойный. Судя по голосу, она на год или два младше самой Марии. – Паша спит, Маша. Если ты хочешь поговорить с ним, позвони завтра.

– Не «ты», а «вы»! – резко ответила Мария.

– Хорошо, Мария. Что-то ещё? Уже почти полночь, мне спать пора.

– Где Паша?! Что ты с ним сделала, ты...

– Паша спит. – Елена кажется воплощённым спокойствием. – Мария, я не буду с вами ругаться. И на порог не пушу, не приезжайте. Если хотите поговорить с Пашей, звоните завтра.

Отбой. Мария долго смотрела на трубку домашнего телефона – трубку, так и не зазвонившую. Взяла второй мобильник Павла, нашла там домашний номер, набрала.

Зазвонил домашний, да ещё как! Едва успела дать отбой – забыла уменьшить громкость, сейчас весь весь дом бы перебудила. Мария смотрела на второй мобильник и не могла заставить себя снова набрать номер Елены. Свой домашний номер.

...Павел словно выпал из одного сна в другой. Сон перешёл в дрему... Ему померещилось, что звонят. Звонят на домашний.

Елена взяла трубку – судя по всему, ушла в гостиную

Елена?! Павел уселся, оглянулся – точно, её комната.

– Маша? Это ты?

Мария?! Чего ей вздумалось звонить?

– Да. – Елена спокойная-спокойная, а раньше нервничала, когда звонила Мария. – Паша спит, Маша. Если ты хочешь поговорить с ним, позвони завтра. – Она улыбнулась, Павел чувствовал. – Хорошо, Мария. Что-то ещё? Уже почти полночь, мне спать пора. – Пауза. – Паша спит. Мария, я не буду с вами ругаться. И на порог не пушу, не приезжайте. Если хотите поговорить с Пашей, звоните завтра.

Шаги. Елена возвращается в спальню. Павел хотел упасть, притвориться спящим, и не мог.

– Ой! – Она бросилась к Павлу. – Всё-таки разбудила! Паша, почему она звонит с твоего мобильного?! Ты его потерял?

– Не знаю. – Павлу было трудно говорить. – Лена, я засыпаю! Не бросай меня, пожалуйста!

Она держала его за руки.

– Я тебя никогда не бросала, дурачок ты мой. – Поцелуй Павел уже едва ощутил. – А ты убегаешь, убегаешь от меня. Паша! Не убегай, я прошу!

Наплыв. И тьма, тьма, жаркая и беспросветная. На какой-то момент Павлу примерещилось – он идёт по заснеженной равнине, и впереди стылый пламень заката, и ни души вокруг, и мороз пробирает до костей.

– Лена! – хотел крикнуть он и не смог, всего лишь прошептал. – Лена! Я хотел сказать «нет»! Пожалуйста, поверь мне!

Вьюга плакала, шептала и хохотала вокруг него.

6

– Где второй мобильник? – поинтересовался Павел следующим утром, когда госпожа менеджер, без пяти минут коммерческий директор, готовилась отбыть.

Мария посмотрела на него с удивлением.

– Какой второй мобильник?

– У меня здесь вчера лежало два, – указал он. – Кончай притворяться! Ты вчера вечером звонила ей. «И на порог не пущу, не приезжайте», – добавил он.

Выражение лица Марии не изменилось. Она шагнула к двери в спальню и закрыла её.

– И куда я могла звонить, Паша? На какой номер?

– На этот номер! – Он указал на домашний телефон, закипая от злости.

– Сядь, пожалуйста, – попросила она его. – Сядь, сядь. – Не повышает голоса, не говорит резко, хотя в остальном всё та же Мария. – Ну и куда бы я должна была попасть, если бы позвонила на него? Ответь, пожалуйста.

– Сюда, – признал он неохотно.

– Паша, у нас здесь не живёт никакой Елены. Ты сам прекрасно знаешь, что это выдумка. И я виновата, может, больше всех, что ты слишком долго говорил с ней, а не со мной. – Павел не верил своим ушам. – Я виновата. – Она прижалась щекой к его груди и... расплакалась. – Прости, пожалуйста!

Что-то внутри него лопнуло. Что-то тёмное, долго копившееся, едкое. Вырвалось наружу, отчего стало на момент тоскливо и противно – и ушло.

– Да, Маша. – Он погладил её по голове и на короткий миг был твёрдо уверен, что Елена действительно была только выдумкой.

– Нам нужно поговорить. – Она выпрямилась, не отпуская его руки. – Я сегодня уйду с работы пораньше. Обязательно позвони мне, когда будет что-то понятно с твоим заказом.

– Хорошо. – Павел всё ещё не мог прийти в себя от перемен в Марии.

Она поцеловала его, крепко обняла и... убежала в прихожую. Через три минуты входная дверь щёлкнула. И тут же к Павлу подбежала Виктория.

– Папа? – Она потрогала его за руку. – Папа, с тобой всё хорошо?

– Не знаю. – Он прижал её к себе. Только Вика не изменилась, всё такая же. Господи, неужели я и на самом деле всё выдумал, и Елены не было? Что это был только сон, мечта? А поход на «Матрицу»? Стой, стой...

– Какой сейчас год, Вика?

– Две тысячи седьмой!

– А когда мы с мамой ходили на «Матрицу»?

– Папа, ты один ходил! Восемь лет назад! Она сразу сказала, что это глупости и дешёвка.

– Вика, откуда ты можешь об этом знать?

Ну да, человека тогда ещё просто не было. Мария характером и так не подарок, а тогда, на последних месяцах беременности – особенно. Дочь посмотрела на отца, покачала головой и выразительно вздохнула.

– Ты сам мне рассказывал! Папа, ты уже забыл, как мы её потом вместе смотрели? Классный фильм, да?

– Классный, – подтвердил он.

– Пап, мне в школу пора!

– А мне на работу. Сначала зайдём в школу, хорошо?

Виктория засмеялась и помчалась к себе, за портфелем.

Мария пошла не к гаражам – в другую сторону, у магазинов стоят два мусорных бака. Туда, конечно, не выкинуть бытовой мусор, но всякую мелочь можно, охрана не ворчит. Она завернула второй мобильник в салфетку – всю ночь сидела и тряслась, что тот позвонит. И хотела сломать, чтобы уж насовсем, и хотела карточку изъять, но... было страшно. Страшно прикасаться, словно телефон мог разносить безумие. Хватит с неё разговора с Еленой. Выдумка или нет, конечно же выдумка, как иначе Павел мог бы знать? Я от него заражаюсь, подумала Мария, нужно покончить с этим.

Убедившись, что охранник не смотрит в её сторону, она достала из кармана салфетку с мобильником внутри, и бросила. Попала. Всё, сегодня тебя увезут на свалку, потом сожгут в печи... Она отходила, каждую секунду ожидая, что телефон зазвонит. Но он не зазвонил.

Тебя нет, повторила она про себя. Нет и не было. Он не позвонит тебе, не вспомнит о тебе.

Павел был в большом недоумении. Здешний начальник – тёзка, Павел Владимирович. Странно, что не отдал ещё заказ, ведь знает – Павла, случись что, из дома на сверхурочные не отпустят.

– Паша. – Начальник тот ещё колобок, вроде и ростом мал, но рука как железная. – Паша! – Он похлопал Павла по плечу. – Серьёзный клиент, понимаешь? Может, на выходных придётся постараться.

– Понимаю! – Павел ощутил злость на самого себя. Правы они все, Мария в упор не замечает ничего, кроме своей карьеры. – Сделаем, Павел Владимирович, не беспокойтесь!

Что-то, видимо, изменилось в Павле, раз начальник посмотрел на него в большом удивлении и одобрительно крякнул.

– Он будет через полчаса. Я вызову.

Водитель, разгребавший мусорку, заметил выскользнувший из салфетки мобильник. Включенный, что характерно. Недолго думая, сунул в карман. Отчего бы и не позвонить хозяину? Много не выручить – даже он, водитель мусоровоза, знает, что это старая модель. Но... Ладно, потом позвоним, выясним. На худой конец сыну отдать, пусть играет.

Но он обронил телефон, сам не заметив, и вещицу торопливо подобрал суетившийся у машины бомж.

Елена на работе была не в себе. Павел исчез, исчез прямо из спальни. Был – и не стало. Она привыкла к тому, что он пропадает. Мог неделями не звонить, не брать трубку, а особенно – после визита к Марии. «Я сошла с ума, – подумала Елена, – господи, неужели я правда его выдумала, неужели девочки правы, и мне не нужно никого ждать? А мама, а папа? Они же видели его? Позвонить им, спросить?»

– Лена. – Её тёзка, обычно она сидит на кассе, а сейчас подменяла напарницу Елены. – Слушай, иди-ка ты домой. Иди, иди. Ты не в себе сегодня, я за тебя постою.

– Да. – Елена поцеловала её в щёчку. – Ты прелесть! Лена, я потом отработаю!

– А то как же! – И они обе рассмеялись. – Иди быстро, я Семёновне скажу, что ты простыла.

Вот с чем повезло, так это с начальством. Ну надо иногда срочно уйти с работы. И никаких проблем – если потом отработаешь.

...Елена бродила по квартире, плакала, сама того не замечая. Стол, стулья, косяки – всё помнит прикосновения его рук. Она уселась на краешек кровати, обняла себя за плечи. Нет... это не могла быть выдумка, она помнит его, тепло его тела, жар пальцев, запах кожи... его желание и её собственное. Бросилась к шкафу, там так и висел тот костюм, в котором Павел ходил в выходные на работу. Не могло же всё это примерещиться!

Зазвонил телефон. Елена бросилась к нему. Господи, только бы это был Паша!

– Слушаю вас. – Она не сразу смогла справиться со слезами.

– Вот что. – Голос незнакомый и неприятный. – Я тут телефончик нашёл. Ваш номер тут последний.

– Что за телефон? – Елена выпрямилась, вытерла слёзы.

Нашедший, похоже, с латиницей не в ладах, но Елена смогла понять, что это Пашин телефон.

– Где вы его нашли?

– Мне деньги нужны. – Человек перешёл сразу к делу. – Вам нужен телефон или нет?

– Нужен! – Елена ощутила, как её бросает в жар. Паша потерял телефон! Но как его нашла Мария?! Ладно, это неважно, это всё сейчас неважно! – Скажите, куда прийти!

И ей назначили встречу. В лесочке, возле железной дороги. Как специально – Елена любит там гулять. Пусть болтают всякие глупости про маньяков и всё такое, в том лесу спокойно и безопасно.

Елена схватила всё, что оставалось в вазочке, и бросилась одеваться.

– Пап, ну давай ещё погуляем! – Вика подёргала его за рукав. – Такая погода! Смотри как всё вокруг красиво!

Ещё бы не красиво – осень на дворе, и под ногами роскошный ковёр листьев. Так и лёг бы отдохнуть.

– Конечно, погуляем. – Она рассердится, подумал Павел. Мария рассердится, что не позвонил, что не предупредил, что куда-то ещё хочет зайти. Она, если уж честно, была даже довольна, что отец занимается дочерью, и та не отнимает время у матери. И все довольны. – Куда пойдём?

– Вон туда! – Виктория надела свой портфель – рюкзачок – и указала. – Вон к той статуе! Наперегонки! – И первой сорвалась с места. Форاً, значит. Хитрая, знает, что в честном состязании от отца не убежать.

– ...Я первая! Папа, я первая, первая! – припевала она, держа отца за руки и подпрыгивая. – Ещё! Давай ещё!

Павел, в этот момент довольный и жизнью, и всем на свете, вдруг осёкся. Оглянулся. По одной из аллей шествовала – по другому и не выразиться – бабушка. То есть дама почтенного возраста. И не кто-то, а Афанасьевна. Эльза Афанасьевна Шварцберг собственной крючконосой персоной.

– Пап, ты чего? – Виктория проследила взглядом, куда смотрит отец. Ей показалось, что какая-то старушка прошла по той аллее, ну и что?

– Вика, я сейчас! – Павел бросился прямо через газоны, листья весёлым костром вспыхивали вокруг, роились вихрем, шуршали и хрустели. Вон она, Афанасьевна, как есть!

– Эльза Афанасьевна! – крикнул Павел что было сил. – Бабушка Лиза!

Он выскочил на перекрёсток тропинок, но...

Никого. И никаких признаков, что кто-то был. Господи, Павел потёр лоб, неужели я и её выдумал?

Вика нагнала его.

– Папа. – Она подёргала его за рукав. – Папа, пошли домой, а?

И молчала всю дорогу. Уже на лестничной клетке Павел решился – спровадил Вику, поручив той поставить чайник и кастрюлю на огонь – а сам постучал в ту дверь, где «у Елены» живёт Афанасьевна.

Открыли не сразу. Стояла с той стороны старушка, и впрямь похожая на гражданку Шварцберг.

– Паша! – Она улыбнулась. – Вот не думала увидеть. Что случилось? Заходи, заходи. Павел пересёк порог, сам не понимая, зачем. Не понимая, что хочет сказать и хочет ли.

– Чайку выпьешь? – Я не могу вспомнить, как её зовут, понял Павел. Ну не могу, и всё! Что за наваждение?

– Простите, баба Анна, – ага, имя всплыло, – меня дочка ждёт.

– Вика? Вот, передай! – Баба Анна поманила на кухню. – Сама не знаю, напекла зачем-то пирожков сегодня. Внучки только на выходные будут. Стало быть, Вике испекла! Да садись, садись, посиди минутку.

Как-то само собой получилось, что он сел, и чашка чая возникла на столе. Бедно живёт баба Анна. Бедно, но чисто. И лицо, ну то же лицо, что и у...

– Баба Анна, – решился Павел. – Скажите, вы знаете Эльзу Афанасьевну Шварцберг?

Баба Анна вздрогнула, и чуть не упустила чашку. Постояла, глядя на гостя, и пошла вон из кухни. Крепкая бабушка, подумал Павел, ей за восемьдесят, а ходит – только что шаг не печатает. Бабы Анны не было минут пять, и Павел даже решил пойти посмотреть, всё ли в порядке. И она вернулась, словно услышала мысли.

– Вот, – положила перед ним альбом. – Паша, откуда ты узнал?

– Что узнал, баба Анна?

– Я про сестру никому не рассказывала. – Баба Анна открыла альбом и буквально через пять страниц Павел увидел её. Афанасьевну. На фото ей было едва ли тридцать, но лицо и взгляд её, точно. – При Советской власти ей туго было, родственники в Германии, фашисты они у неё были. А у меня уже дочка была, как её бросить? Мы потом почти и не виделись.

– А что с ней сейчас? – поинтересовался Павел, бережно поглаживая фото, где Афанасьевна, уже почтенных лет бабушка, стояла среди многочисленных родственников – там и баба Анна была.

– Померла. – Баба Анна перекрестилась. – Шесть лет как. Спасибо, Паша, что напомним. Помянем, как скажешь? Тебя из дому не выгонят, за водку-то?

– Не выгонят, – решительно отозвался Павел. – Баба Анна, а можно, я альбом возьму, ненадолго? Вике покажу. Она про войну только в кино смотрела.

– Бери, бери! – Баба Анна уже достала бутылку и крохотные, коньячные рюмки. – Приводи Вику как-нибудь, я ей сама расскажу. Правнукам-то уже неинтересно...

Вика не обиделась, что отец застрял у бабы Анны. И обрадовалась – и ему самому, и пирожкам, и альбому, конечно. Уже успела и картошку сама сварить, и салат приготовить. Хозяйственная девочка...

...прямо как Елена.

Они успели и поужинать, и посмотреть несколько мультиков – с тех дисков, что при маме лучше не смотреть, ругаться будет – и уже начали перелистывать альбом, а Марии всё не было. Ну не было и не было.

...Елена торопилась. Золото, медь и калёное железо осени выстлали ей путь, и тропинки сами собой подворачивались под ноги. Сюда, сюда, звали они. Иди сюда! Елена всегда доверяла интуиции, всегда слушала её советы, так ведь и с Пашей познакомилась.

Она выскочила на полянку неожиданно для «встречающих». Похоже, тут у бомжей «столовая» – скамейки и столы, явно для любителей домино, но играть сюда ходят редко. Обленились!

– Здравствуйте! – Елена окликнула их, всех троих. – Это вы нашли телефон?

Они вскочили. Все, разом, глядели на неё, и что-то странное было в их взгляде.

– Пожалуйста, он мне очень нужен! – Елена пошла к столам. – Сколько вы хотите?

Двое бомжей, каждому далеко за сорок, бросились наутёк. Ещё один, бородатый и небритый, но в приличном вполне пальто, пятился, глядя на Елену широко раскрытыми глазами. Потом бросил телефон в сторону, и кинулся бежать, вслед за товарищами.

– Что... – Елена была в шоке. Не сразу пришла в себя. Оглянулась – та же осень, тот же закат плавится, но сквозь толщу леса огня почти не видно. Что с ними?

Она подобрала телефон, и с облегчением вздохнула. Он. Домой, домой! Срочно домой! Она положила пригоршню банкнот на стол, прижала телефон к груди, и побежала назад, по лабиринту тропинок, и с каждым шагом ей становилось теплее и легче. Паша, ты есть, ты не выдумка, я теперь знаю!

...Бомж Митрич рассказывал иногда то, о чём боялись даже упоминать его дружки. Что проход между кустами стал чёрным, словно там уже наступила ночь, и оттуда вышла девушка. Что очертания её были нечёткими, словно не человек, а призрак. Ну они и струхнули... Но призрак призраком, а деньги оставила. Хорошие деньги, телефон стоит куда меньше. Митрич в тот же день всё потратил. Не было сил не взять, деньги всё-таки, но и хранить нельзя – бесовские деньги, тратить надо быстро.

С тех пор он на водку смотреть не мог. Может, оно и лучше.

7

– Я опоздала, простите! – было первым, что услышали Вика и Павел, самозабвенно разглядывавшие фото из альбома. Павел сам слышал о войне только от бабушки, ну и от мамы, конечно, хотя маме тогда было столько, сколько Вике сейчас.

Вика и её отец переглянулись, и первое, что оба подумали – что с ней? Как подменили!

– Паша, как твой заказ? – Она вошла в гостиную, погладила Вику по голове (девочка как окаменела – от неожиданности) и поцеловала мужа. – Прости, до меня сегодня было не дозвониться!

– Заказ мой, – сообщил Павел. – На выходных придётся поработать. Хороший заказ.

– Сколько? – Это из Марии ничто не вытравит. С молодости её интересовало, сколько стоит, да сколько платят...

Павел назвал – сколько, и не без удовлетворения посмотрел, как у Марии широко открываются глаза.

– Папа!! – Вика в восторге. – Теперь съездим, да? Съездим на море, да? Ты обеща-а-ал!

– Съездим, – подтвердил Павел, подхватывая её на руки. – Вот закончу, деньги получу и...

– Ур-р-ра! – Вика захлопала в ладоши. – Мама, пошли ужинать, у нас всё готово!

Мария вновь обняла Павла и тот ощущал, что жена в смятении, в большом смятении.

Елена, подумал он. Афанасьевна. Я видел её! Плевать, что она якобы умерла, я видел! А если есть она, есть и Елена.

Новый день, а всё как будто вчерашний тянется.

Елена сидела дома и всё валилось из рук. Не рисовалось, не читалось, ничего. Спасалась только прогулками. Аделаида Семёновна, её менеджер, посмотрела на заплаканную сотрудницу, и приказала: на работу не ходить, если нужен доктор или что-то ещё, сразу же звонить. Всё-таки добрый она человек, хоть и любит иной раз голос повысить. Не беспокойся о деньгах, добавила Семёновна, тебе за работу и так премия полагается. Приди в себя, отдохни, я же вижу, на тебе лица нет. Недельку можешь не появляться.

...Елене показалось, что она задремала. Сон не шёл, стоило попытаться уснуть, как начинали сниться тёмные лесные тропинки, гаснущая киноварь заката, ветер, крутящий листья вихрем – как чайники в стакане. И человек. Он шёл и шёл, он уходил, и она не могла его догнать. Человек был совсем как Паша, и походкой, и ростом, только вот сутулился, а Паша не сутулился.

И никого. Ни людей, ни зверей, ни птиц – печальный лес, стылый вечер и умирающий закат.

Она не любила телефоны, всегда предпочитала говорить сама, с живым человеком, но сейчас позвонила. Осмелилась позвонить даже родителям Павла, хотя им ещё по настоящему не представлена. Там не брали трубку, а во всех других местах Павла не было. Просто не было. Елена не поленилась съездить к Павлу домой. Всё убрано и тихо, в холодильнике ничего – Павел основательно подготовился переезжать, переезжать к ней, всё ждёт грузчиков... Елена плакала и плакала, не могла с собой ничего сделать. Паша, где ты?! Он и раньше пропадал, и никакими силами было не найти, но сейчас... Сейчас Елену глодало нехорошее предчувствие, очень нехорошее.

– Милочка, ну так нельзя, – выговорила ей Афанасьевна, так и не покидавшая пост у подъезда. – Ты вот что. Никуда он не делся, я похожу, погуляю, люди много говорят, а Афа-

насьевна всё видит и слышит. Только ты мне обещаешь, что сидишь дома и не расстраиваешься. Тебе нельзя.

– Нельзя? – Елена похлопала ресницами. Баба Лиза иной раз как скажет...

– Не спорь, бабе Лизе виднее! – Какой голос, ей бы в дикторы пойти. Елена так и сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.